А.М. Сунгурский

ЧЕТВЁРТАЯ НЕВЕСТА

А.М. Сунгурский

Четвёртая невеста

«Автор»
2026

Сунгурский А.

Четвёртая невеста / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Александр Бугров, которого судят за обман трёх женщин, обещает вернуть деньги и четвёртой. Галину Беляеву он называет по имени. Сумму помнит до рубля. Между тем Галина впервые видит этого мужчину. Семь лет назад она сказала сёстрам, что у неё украли сто восемьдесят пять тысяч. На самом деле она сама их потратила.В зале суда на Галину оборачивается дочь Бугрова. Ей хочется знать, узнала ли Галина её отца. А Галина всё ещё пытается понять, зачем он назвал именно этот день. Ведь младшая сестра принесла последние пять тысяч двумя днями позже.

© Сунгурский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Полный поворот 5
Глава 2. День в пустой строке 9
Глава 3. Туфли для левши 13
Глава 4. Свет в прихожей 17
Глава 5. Рыба смотрит влево 22
Глава 6. Слон на щите 26
Глава 7. Сервиз на развес 31
Конец ознакомительного фрагмента. 34

А.М. Сунгурский
Четвёртая невеста

Глава 1. Полный поворот

— Вы бы хоть раз дали мне стукнуться, — сказала ученица.

Передний бампер стоял в ладони от мусорного бака. За баком курил дворник. Когда машина клюнула носом, он придержал бак коленом, словно мог спасти и его, и машину.

— В следующий четверг, на своей, — сказала Галина. — А сейчас сдаём назад.

— Я не успеваю понять, что я делаю. Вы уже нажали.

Галина сняла ногу с дублирующей педали. Снять раньше значило бы согласиться с ученицей за счёт жестянщика.

— Нина, вы куда смотрели?

— На бак.

— Вот вы в него и приехали. Выход где?

Нина поискала глазами и нашла слева свободное место. Выехала сама. Дворник проводил их уважительным жестом, отставив зажжённую сигарету в сторону. Они сделали ещё круг по двору. На этот раз Нина посмотрела туда, куда собиралась повернуть, и между машиной и железным боком осталось достаточно места для человека.

На часах было без десяти одиннадцать. У входа в суд стояла Рита, затянутая в пуховик так, что виднелись только очки. Под мышкой у неё был сложенный вчетверо жёлтый пакет из аптеки. Галина узнала пакет. В таком сестра однажды принесла ей три варёных яйца и солонку из самолёта, когда Галина дожидалась маму в приёмном отделении. Рита верила, что основную часть несчастий можно пережить, если не делать этого натощак.

— За то, что я у вас отняла четверть часа, в четверг поедем подольше, — сказала Галина.

— Мы своё проездили. Вы чего?

Она посмотрела на часы ещё раз. В десять начинали. Верно.

Нина открыла дверь, но не вышла.

— У меня сын так же делает. Хватает руль даже с пассажирского. Научусь, как вы думаете?

— Если сына дома оставите.

— Хороший у меня сын.

— Охотно верю. Но на четверг записывала я вас.

Нина засмеялась и ушла, довольная разрешением хоть куда-нибудь поехать без своего хорошего мальчика. Галина перебралась за руль. На стекле остался след Нининого пальца — от вчерашней шоколадки или крема. Галина вытерла его, заглушила мотор и лишь тогда взяла телефон. Семь сообщений от Риты. В первом сестра просила одеться прилично. Остальные шесть она читать не стала.

У младшей, Яны, стояло под вчерашним вопросом одно серое «доставлено». Вопрос был идиотский: «У тебя всё в порядке?» Человек, которому семь лет врали, вполне мог ответить на него утвердительно.

— Тут бутерброды, — сказала Рита вместо приветствия. — Себе один оставь. За углом съешь.

— Я думала, яйца.

— Яйца пахнут. Люди всё-таки.

Ещё в пятницу у Галины не было никаких дел в суде. Вечером ей позвонила женщина, представилась Бугровой и спросила, может ли она приехать в понедельник. Её отец, Александр

Николаевич Бугров, на заседании назвал Галину Беляеву и сумму, которую у неё взял. Деньги, сказал он, целы. Из людей, сидевших в зале, только дочь знала, как разыскать Галину Павловну. Номер ей оставил отец.

— Вы кому-то другому звоните, — ответила тогда Галина.

— Да я и рада бы, — сказала Бугрова. — Сто восемьдесят пять тысяч. Пять ваша младшая сестра принесла уже потом. Он сказал, вы по ним узнаете.

Галина села. За перегородкой, на соседнем боксе мойки, вода била в чужую крышу, как горсть мелочи в железное ведро.

— Откуда у него мой телефон?

— Спросите, пожалуйста, сами, если сумеете. Мне он в пятницу только рукой махнул. В понедельник будет заседание. Я пойду. Хотела, чтобы вы хоть посмотрели, узнаёте вы его или нет.

Повестки Галине не присылали. Она могла поехать с Ниной на площадку, взять ещё двух учеников и забыть, что существует человек с фамилией Бугров. Только пятёрку Яна действительно принесла позже. В квартире тогда были трое. Две из них знали, что деньги украли. Третья на эти деньги купила свою первую машину.

Рите она пересказала звонок почти полностью. Маленькое «потом» опустила. Рита немедленно решила, что надо идти.

— Хоть увидишь его рожу, — сказала она теперь, расправляя шарф. — Семь лет живёт, спит, чай пьёт. Может, мы с ним в одном магазине стояли.

— Я его не знаю.

— Ты же говорила, что в толчее было. Так откуда тебе знать?

Слово было её собственное. Толчея. Семь лет назад Галина спросила себя, где могут исчезнуть сто восемьдесят пять тысяч, если человек не дурак и не оставит сумку на скамейке. Придумала субботнюю толчею у продавцов овощей. Подробностей не рассказывала. Она вообще мало рассказывала, и это ей послужило.

Вера Бугрова оказалась тонкой, с крепко сжатыми губами. На шее из-под свитера выглядывал кончик белой тесёмки. Когда девушка вынула пропуск с работы, чтобы добраться до паспорта, тесёмка натянулась и царапнула ей подбородок. Лет двадцать пять, подумала Галина. Вполне могла сидеть у неё на переднем сиденье и бояться обогнать троллейбус.

— Это моя сестра, — сказала Галина.

— Я догадалась. Вы по телефону громче.

Рита сунула паспорт обратно в сумку.

— Это вы мне?

— Обе. Здесь все начинают шёпотом.

Голос у девушки был низкий, чуть простуженный. Они поднялись втроём. По дороге Рита успела узнать, что у Веры нет ни мужа, ни детей. Галина этого умения никогда не понимала. Полминуты назад шла чужая девушка, а тут уже некому привезти ей ключи, если она захлопнет дверь.

Зал оказался небольшим. Вера села одна у прохода. На соседнем ряду женщина с широкой полосой седины разбирала бумажный носовой платок на слои. Каждый отдельный слой она расправляла на колене. Увидев, что Галина смотрит, протянула ей один.

— Спасибо, я так.

— Тут душно будет. Помаду хоть промокнёте.

Женщина положила тонкую бумагу рядом, на свободное место, и больше на Галину не смотрела.

Мужчину за стеклом Галина прежде не видела. Лицо у него было темнее шеи. Дешёвая синяя рубашка сидела хорошо, словно её долго подбирали. Почему-то эта мысль Галине не понравилась. Кто-то выбирал ему рубашку для суда, носил в пакете, складывал рукава.

Сначала говорили про Аллу Михайловну Кораблёву. Про деньги, отданные за холодильную камеру. Про то, что существовал задаток, а самой камеры никто из тех, кто давал задаток, не видел. Алла Михайловна сидела прямо перед Галиной. Сзади были видны серёжки с красным стеклом и длинная шея с родинкой. Когда её спросили, почему она сразу согласилась дать Александру Николаевичу деньги, она повернула голову.

— Сразу? У меня к тому времени уже зубная щётка его в стакане стояла. Удобная вещь в хозяйстве, эта его щётка. За четыреста с лишним тысяч.

Кто-то кашлянул в кулак. Мужчина за стеклом опустил глаза. Галина заметила, что Вера тоже опустила глаза, тем же коротким движением, будто дочь сидела перед отражением отца в магазинном окне.

Потом речь пошла о сообщениях. О том, в каком из них Бугров в первый раз упомянул свадьбу. Галине захотелось уйти. Женщина отдала деньги не тому человеку. Теперь в комнате, где всякий мог сесть послушать, взрослые люди разбирали, сколько ночей она подряд ждала звонка.

Рита вдруг взяла Галину за запястье.

— Смотри.

Бугров встал. Сразу стало видно, что он не очень высок. Галина видела, как он глядит на судью, но Рита всё ещё сжимала ей руку, и первые несколько слов она пропустила.

— ...ещё раз про Беляеву. В пятницу я не назвал число. Восемнадцатое августа девятнадцатого года. Деньги у меня для всех есть. Для Галины Павловны тоже. Спрятаны. Я своей дочери место скажу.

Судья вернула его к вопросу о переписке с Кораблёвой. Тетрадка на коленях у молодого парня в соседнем ряду осталась раскрыта. Он написал восемнадцать, обвёл цифру и рядом вывел: «Беляева Г.». Галина смотрела на торчащую из его рукава нитку. Одно движение — наклониться, взять за нитку, сказать, чтобы зачеркнул. Или даже просто встать. От её стула до выхода было пять шагов. До человека, которому полагалось сказать правду, ненамного больше.

Она не встала. Она подумала, что надо будет сказать и следующее. Куда деньги ушли на самом деле. При Рите, при этом молодом человеке с ниткой. Вера обернулась. Галина встретила её взгляд, и девушка повернулась к отцу.

Никто не собирался возвращать им деньги к обеду. Бугров повторил, что помнит точную сумму, к нему наклонился его защитник, и до перерыва больше ни разу не вспомнили Беляеву.

В коридоре Рита расстегнула пуховик.

— Господи. Я думала, я одна за двоих дышу. А ты хоть расслышала? У него они есть. Не отдал своей бабе, не пропил.

— Куда они семь лет девались?

— Почём я знаю? Спрятал. Деньги спрятать легче, чем человека.

Откуда-то появилась Вера.

— Узнали?

У Риты заблестели очки. Через них прошло солнце из окна, и её глаза на миг потерялись.

— Нет, — сказала Галина.

— Спасибо, — ответила Вера.

— Ты-то что её благодаришь? — спросила Рита. — Ты давно про эти деньги знаешь?

— В пятницу и узнала. Как вы.

Вера заправила пропуск под свитер. Галина поймала её за рукав.

— У тебя со мной какое дело? Ты ведь не только за этим меня позвала.

— Если он вам их отдаст, вы ему дадите бумагу, что он рассчитался?

— А он у меня их когда брал?

Вера посмотрела на неё. Галина услышала, как у сестры за спиной хрустнул аптечный пакет.

— Так я затем и позвала, чтобы узнать, — сказала Вера. — С ним хоть про хлеб говори — начнёшь проверять, где покупал.

Она выдернула рукав, не грубо, лишь бы освободиться, и пошла туда, где стоял защитник.

Галина развернулась к окну. Напротив за стеклом мужчина вешал в кабинете вертикальные жалюзи. Ставил планки по очереди, и одна за другой они ложились белой стороной на стекло. До конца окна ему оставалось штук семь.

— Семью обрадовать побоялась? — спросила Рита тихо. — Хоть Яне позвони. Она уже смотрела, почём комнаты. Господи, она тогда уже занавеску купила. С жёлтыми такими... с репами, что ли. Как я ей теперь скажу, что деньги нашлись, если она уже комнаты опять смотрит?

Она полезла за телефоном. Галина положила ладонь ей на руку.

— До вечера. Слышишь? Я сама.

— Ты и тогда сама.

Мужчина напротив закончил окно. За жалюзи он исчез целиком.

Галину тронули за локоть. Женщина с белой прядью теперь стояла рядом. На среднем пальце у неё была короткая широкая царапина, блестевшая прозрачным клеем.

— Госпожа Беляева?

— Почему госпожа?

— Люба я. Груздева. Про нас про всех пишут «обманутая любовница». Я посмотрела, как вы на «госпожу» отзовётесь.

Галина вспомнила салфетку на сиденье. Она так и осталась там.

— Вы тоже ему что-то давали?

— Давать — не хитрая работа. Вы скажите лучше. А вам он за какой день велел расписаться?

— Где расписаться?

Люба оглянулась на Риту. Та успела подойти к окну и теперь стояла к ним спиной с телефоном у уха. Галина догадалась, кому она звонит.

— Если никто не подходил, пусть так и будет, — сказала Люба. — И я не подходила.

— Стойте. Кто к вам пришёл?

Но Люба уже шла к лестнице. Галина догнала её на площадке. Ступеньки были низкие, с острым покатым краем. Люба поставила туфлю поперёк, и Галина вынуждена была остановиться на ступеньку выше.

— Вы видели деньги? — спросила она. — Хоть кому-нибудь он отдал?

— Видела. Своими глазами. На столе лежали. Я даже резинку сняла.

— Почему же вы их не взяли?

— Я, Галина Павловна, взяла.

Люба спустилась. У самой двери она бросила использованный бумажный платок в урну. Короткое, уверенное движение, словно в этой жизни всё можно положить именно туда, куда метишь.

Наверху у окна Рита протягивала телефон. Из трубки доносился Янин голос:

— Галь, ну ты хоть скажи мне, какой он.

Галина прислонилась спиной к холодной стене. Перед глазами почему-то стояла не синяя рубашка за стеклом. Стояла Яна, совсем молодая, с занавеской на плече, и держала в руке старый латунный ключ от комнаты, который хозяин дал ей на сутки: мерить можно, жить пока нельзя.

— Низенький, — сказала Галина.

Глава 2. День в пустой строке

Бутербродов было два: с сыром и с буженной. Рита оставила оба и ушла на работу, так и не поев. Галина села в машину, откусила от первого и уронила на сиденье круглую горошину чёрного перца. Горошина упала в щель у замка ремня. Доставать её было бессмысленно. До скончания машины она будет здесь ездить, когда-нибудь механик снимет сиденье и удивится, откуда здесь перец.

Ученик не пришёл. Вернее, пришёл и ушёл: пока она сидела в суде, в телефоне успели накопиться «я здесь», «вы на стоянке?» и наконец «меня с работы больше не отпускают». Галина отправила ему деньги за пропущенный час. У него они показывались на счету сразу, в том и была прелесть этих денег. Никакого тайника не требовалось. Никакой дочери с тесёмкой на шее.

Следующим человеком в расписании стоял Равиль, ученик взрослый, немногословный и оттого очень удобный сейчас Галине. Она передвинула машину ближе к школе. Равиль пришёл в брезентовой куртке, на которой даже в ноябре оставался запах свежего дерева. Оба больших пальца у него были перетянуты белой лентой.

— Я лестницу крашу, — сказал он. — Не подумайте, что у меня руки отваливаются.

— Мне бы до светофора хватило.

Он застегнул ремень, обернулся через правое плечо. Это был первый её ученик, который по собственной воле проверял, что на заднем сиденье. На третьем уроке Равиль объяснил: они в детстве оставили на сиденье тыкву, отец затормозил, и тыква добралась с заднего сиденья на переднее. С тех пор он предпочитал знать, кто у него пассажиры.

Сегодня на заднем лежал пакет с оставшимся бутербродом. Равиль кивнул ему, как человеку.

На перекрёстке он пропустил машину, которая ещё только готовилась свернуть. Позади недовольно посигналили.

— Долго им ждать, если встречную из другого города пропускать? — спросила Галина.

— Меня вчера в этом самом месте обозвали, когда я поехал.

— Вчера без меня ездили?

— Жена везла. Она ещё громче отвечает. С вами у меня отдых.

Он переставил руку на рычаг. Галина увидела женщину в тёмно-зелёном пальто на другой стороне. Женщина вытянула шею и махнула ладонью, будто давно поджидала именно их. Равиль тронулся, свернул куда полагалось. Галина обернулась. Женщина не побежала следом. Достала телефон. Через десять секунд зазвонил Галин.

— После урока, — сказала она Равилю, хотя тот ничего не спрашивал.

Гудки прекратились. Через квартал сзади зашуршал пакет с бутербродом. Галина оглянулась и поправила его, пока Равиль стоял на красном. За ревущим автобусом открылась полоска неба, и они свернули с широкой улицы во двор. Равиль остановился у тротуара с первого раза ровно. Оставалось двадцать минут, а он снял ремень и сидел.

— Опять обозвали? — спросила Галина.

— Я лестницу крашу для мамы. Ей девятый десяток. Можно ли у вас взять ещё одно занятие на нашей машине? Нужно, чтобы мама посмотрела. Она со мной за город не поедет, пока мне настоящий водитель не скажет, что я могу.

— А права когда получите?

— Так потом и возьму. Просто скажите, согласны? Мне важно, что вы придёте.

— Согласна, Равиль. Вы только мне напомните.

— Мама напомнит.

Он снова застегнул ремень. Галина подумала, какой это редкий человек — заставить тебя без денег пообещать, что ты придёшь и сядешь рядом, когда тебя уже можно заменить кем угодно.

На стоянке Равиль вышел, они договорились о четверге. Она не успела пересесть на его место. Водительская дверца открылась, и в машину села женщина в тёмно-зелёном пальто. Рукавом задела рычажок поворота. В тишине сухо щёлкнула пластмасса.

— Ничего себе, — сказала Галина.

— Я случайно. Рукав длинный. Галина Павловна?

— Освободите место.

Женщина не торопилась.

— Мне две минуты. Я Надежда. У меня для вас хорошая новость. Здесь всё необычно выглядит, понимаю. На улице я к вам подходила. Мужчина ещё за рулём сидел. Не при нём же о деньгах говорить.

— Вы мне звонили?

— Я. У меня ещё мама всегда говорила: «Остановилась учебная — обходи сзади».

— Права есть?

— Двадцать лет за рулём.

— Тогда знаете, что из машины выйти можно и прямо сейчас.

Женщина посмотрела на Галину. По щекам у неё шли две глубокие складки, и в каждой белела пудра, а кожа на скулах была почти девичья. Было бы ей на пятнадцать лет меньше, если бы она не накрашивалась так тщательно. Из кармана пальто Надежда достала конверт с круглой вмятиной посередине. Положила себе на колени.

— Мы вам сегодня готовы передать шестьдесят тысяч. Часть того, что вам назвали. Опять же вам не обязательно сейчас отвечать, только надо меня услышать.

Галина всё утро думала, что почувствует, если ей предложат те деньги. Представляла, как отшутится, или скажет человеку всю правду, потому что кому она нужна, правда, кроме её собственных сестёр? А сейчас первая и очень ясная мысль была: это меньше половины. Новенькие куски бумаги, ещё не виденные Галиной, уже успели у неё что-то недоплатить.

— Мы — это кто?

— Люди, которые хотят, чтобы вопрос решился.

— Так обычно говорят в трубку. В мою машину сели вы.

— Надежда Аркадьевна Сомова. Запомните, если хотите. Одну минутку.

Она потянулась другой рукой к карману, туго стянутому ремнём пальто, достала сложенный пополам лист. Машина была заглушена. Галина положила ключ за собой, в задний карман джинсов, куда от неё редко что-нибудь пряталось. Стало тесно, шов кармана втиснулся в сиденье.

Лист был плотный, белый. Наверху напечатали «Подтверждение получения части средств». Ниже стояли её фамилия, имя, отчество, сумма цифрами и прописью. Слово «тысяч» уместилось, а «рублей» прогнулось на следующую строку. Для даты оставили два поля. Сверху после «получила» — большое, для дня месяца и года. В самом низу, где место подписи, — совсем маленькое.

— Какое у нас сегодня? — спросила Галина.

Надежда стоически перенесла шутку.

— Сегодня понедельник. Это можно сделать дома. Можете кому хотите показать, посоветоваться. Не хочу, чтобы вы потом кому-нибудь сказали, что я вас заставляла.

— Так вы мне его дадите с собою?

— Образец оставлю.

— Давайте.

Надежда перевернула лист чистой стороной и прижала рукой к колену.

— Только одно пожелание. Если решите брать, пишите над большой чертой девятнадцатое августа девятнадцатого года. А внизу, возле подписи, хоть сегодняшнее. Как вам угодно. Если говорить о порядке, получается так: восемнадцатого пропало, девятнадцатого вы часть получили. Два разных дня, ничего трудного.

— Я вчера тоже могла получить, вы так запишите.

— Вчера в тайнике ещё ничего для вас не было.

— Стало быть, позавчера можно?

— Вы с отцом моим немножко похожи. Он тоже прикидывался тугим, когда ему не нравилось, что предлагают.

— А вы ему тоже деньги задним числом давали?

К Галининому удивлению, Надежда рассмеялась. Ляпнула ладонью по рулю. Коротко отозвался клаксон. Водитель синего фургона на стоянке повернул голову. Надежда нажала на кнопку стеклоподъёмника. Стекло не сдвинулось. Она забыла, что ключ в Галиных джинсах, а мотор выключен. Помахала ему сквозь стекло и только теперь поняла, что оказалась на чужом сиденье с чужими деньгами в руках.

— Я их пересчитала, — сказала Надежда тише. — В конверте шестьдесят ровно. Хочу, чтобы вы себе одну вещь представляли. Это хорошие деньги. Человеку никакой лишней крови стоить не будут. Из квартиры никого не выселят. Если вы сегодня откажетесь, они пойдут дальше.

— А бумажка без них?

— А бумажка кому нужна без них?

— Это я у вас спрашиваю.

— Берите хоть листок. Может, вы как раз умная женщина и никому ничего не должны.

Галина протянула руку. Надежда отдала лист неожиданно легко. Чёрточка для даты осталась пустая, как и после слова «подпись». Сомова убрала конверт, потянула ручку двери, но не вышла. Телефон у неё в кармане играл мелодию из старой детской передачи. Две ноты высоко, одна вниз. Галина отлично помнила мелодию, а какая передача, ни за что не сказала бы.

— Мне про вас после суда сразу позвонили, — сказала Надежда. — Хотела сегодня с этим покончить. Никто не покончил. Уже хорошо.

— Чьи это деньги?

— Пока они у меня, я за них отвечаю.

— А если я напишу, что сегодняшнего числа получила их лично от Надежды Аркадьевны Сомовой?

— Тогда вы мне их лично отдадите обратно.

Дверца закрылась. Галина с минуту смотрела, как Сомова проходит вдоль высокого тротуара. Она просто пересекла двор по диагонали и растворилась в дверях продуктового магазина.

Галина расправила лист на свету. Нижняя строка не содержала никаких мелких букв. Наверху не было ни Бугрова, ни государственной печати. Имя человека, от которого полагалось получить шестьдесят тысяч, тоже не написали. Помещалось всего пять строк. Такую простую бумагу трудно прочитать неправильно.

Она сунула лист к бутерброду и выбралась из машины. На дворе пахло горячей пылью: кто-то тёр тормозом, припарковав грузовик поперёк въезда. Надежды в видимой части магазина не оказалось. У кассы мальчик пересчитывал мелочь и ставил на прилавок булочку с маком. Галина дошла до витрины, купила сметаны, которой у неё дома было две банки, и поняла, что совершенно не хочет искать эту женщину.

Она хотела узнать другое.

Галина вернулась к машине. Большой бутерброд с куском буженины прилетел на середину, когда Надежда хлопнула дверью, и теперь лежал боком. Галина съела его на водительском месте, медленно, впервые с пятницы почувствовав, что голодна. Потом позвонила Яне.

— Тебе пять тысяч откуда пришли? Помнишь, в тот раз? Последние.

— У меня получка была за работу. Галь, я сейчас Тасю одеваю. У неё тут в сапог попало что-то. Встань на одну, Таисия. Ну знать бы, на какую ты встанешь!

Послышался стук, словно на пол упала пластмассовая миска.

— Целы?

— На двух ногах обе, спасибо. Скажи мне только, это он у тебя деньги вытащил?

Сказать «нет» было просто. Галина это сделала:

— Не он.

— А что же ты с утра про него сказала? Что он низенький.

— Ты сама спросила, какой он.

— Хорошо. Не он. И что теперь, есть кто-то другой?

За стенкой кузова дребезжал чужой прогреваемый двигатель. Банка сметаны перекатилась под педали. Галина подобрала её и застегнула в сумке.

— Я хочу ещё одну вещь про тот вторник узнать. Можешь вспомнить, что у тебя за работа была?

— Могу. Если я тебе сейчас скажу, ты опять исчезнешь?

— С чего мне исчезать?

— С того, что я тебя спрашиваю, а ты про меня узнаёшь. Мне тоже надо подумать. Ты умеешь человеку время дать?

Она оборвала вызов. Галина ещё держала телефон у уха, хотя на матовом стекле уже отпечаталась пуговка серёжки. В кармане лежали ключи; теперь она почувствовала тяжесть всей связки, врезавшейся в бедро. Села ровнее.

Когда позвонила Рита, она на экране увидела, как у сестры на старой фотографии к одной щеке прижата Яна, к другой Маринка, и отклонила вызов. Потом пересмотрела собственный образец. Пустое место под числом было почти в палец шириной.

Она нашла ручку. Вытащила загнутый край листа из-под зажима с ученическими карточками. На обороте написала: «Девятого ноября 2026 года в моей машине Надежда Аркадьевна Сомова предложила мне 60 000. Их я не взяла». Поставила сегодняшнее число второй раз, расписалась. Вот сколько ей пришлось написать, чтобы вышло одно честное предложение. И пока ещё такое, которое никого не обязывало ей верить.

Галина убрала лист в карман куртки. Подъехал Равиль на тёмной машине, за рулём сидела женщина в пуховом платке. С заднего сиденья с трудом привстала старушка. Равиль открыл окно и крикнул:

— Мама вас хотела посмотреть!

Старушка подняла правую руку. Галина вскинула свою. Старушка посмотрела на неё и качнула головой строго, как будто только что принимала у неё вождение и теперь, прежде чем отпустить, советовала быть поосторожнее. Машина уехала.

Галина завела мотор. Листок с пустой строкой шуршал в кармане. До темноты надо успеть купить хлеб и дозвониться младшей сестре.

Глава 3. Туфли для левши

К возвращению Любы в мастерскую сапог уже разговаривал с хозяином голосом Алексея Тимохина.

— Насчёт запчастей мы с тобой в разном положении, Семёныч, — говорил сапог. — Меня опять подшить можно. А тебя с такой прорехой кто подшьёт?

Семёныч хохотал. Тимохин опустил сорок шестой размер на стойку. Говорить за вещи он умел. Перчатки у него просились домой, извинялись прищемившие палец дверцы, а дверной звонок однажды выучил с мальчишкой таблицу умножения, пока мать примеряла за стеной вечернее платье.

— Ты слышала? — обратился к Любе хозяин сапога. — Говорит, ботинки меня переживут. А я ведь новые заказал. Что ж я, две пары на тот свет унесу?

— Пускай у вас обе будут целы, и ноги, и сапоги. Давайте я гляну.

Три ступеньки от двери Семёныч одолел приставным шагом. Снял шапку, высыпал из неё на стойку мелочь, квитанцию и шерстяную петлю с узлом.

— Васькину верёвку только мне верни, — сказал он. — А остальным распоряжайся.

Васька был старым псом с ободранной подушечкой на передней лапе. Семёныч просил выкроить из голенища два башмака, один носить, другой сушить. Оба сделать на левую.

— А если в правую занозит? — спросила Люба.

— Он левша, — отрезал Семёныч. — Ты хозяйству не учи.

Она перевернула голенище, провела пальцем по сухой коже. Изнутри оно было выстлано серой байкой. На сгибе байка свалялась, здесь она будет тереть и сильнее беспокоить лапу, чем заноза. Придётся сменить.

— Тонкие носки есть?

— Под мои ноги?

— Под человеческие вообще. Дырявые, если найдёте. Вырежем кусок.

Было что-то стыдное в том, что прошёл всего час и ей уже задали вопрос, на который она знала ответ. Не потребовалось доказывать, куда смотрела, кому доверилась. Ты пальцем по коже провёл, понял, что делать, сказал. Семёныч сгреб мелочь обратно, положил сверху смятые двести и скатал шапку.

Семёныч ушёл. Тимохин прибавил громкость приёмника. Перед обедом там говорили о путешествиях на велосипедах, и ведущий, где бы ни ночевал, вставал бодрый.

— Тебя одна барышня дожидается.

С плеча Зининого манекена свисал клетчатый мешок на тесёмке.

— Оставили на ручке двери. Я сказал Зинке, тут твоя фамилия, а она говорит, пусть платит за место на вешалке.

На выцветшем кармашке действительно красовалось «Базина». Почерк мамин, школьные палочки соединены завитками. Люба помнила даже моток, из которого брали рыжие нитки для цветов. Из остатков мама связала себе два тапочка разного цвета.

Тимохин умел оставить человека в покое и чаще всего об этом забывал. Сегодня только кивнул и ушёл в дальнюю комнату, где в обед стояли сытные запахи четырёх разных семей. Люба отцепила мешок. Под ладонью обозначились две туфли, прижатые подошвой к подошве. Она раздвинула горловину. Красный ремешок с тёмной пряжкой. Кремовый кожаный каблук, чуть стёсанный к наружному краю. Внутри тоненькая чёрная полоска от резинки, которую они когда-то привязали, чтобы туфля с ноги не улетела. Смешно: на сцене девушке в летящей юбке полагалось демонстрировать чудо лёгкости, а с изнанки балет держался на резинке из трусов.

Она вынула туфли. На одну острым карандашом Эдик написал «Л». Люба тогда хмыкнула: спасибо, Эдичка, без тебя я бы ни за что не догадалась, где левая. А он ответил: «Это

Люба. Вторую я себе оставлю». Ему и сейчас мало что стоило рассмешить её из того года, когда все четыре её передних зуба были свои.

В мешочке лежал картонный посадочный билет из какого-то старого междугороднего автобуса. На обороте Эдик нацарапал: «В воскресенье. Сам принесу ноги. К семи».

Она выбрала его номер. Первую гудковую трель слушала, уже зная, что скажет. На второй раздумала. На третьей кто-то снял.

— Вижу, глаза на месте, — сказал Эдик. — Иначе ты не дозвонилась бы.

— Что у тебя в воскресенье?

— Раз ты спрашиваешь, значит, есть над чем работать. У нас Майкин день рождения. Пятьдесят семь. По её личному летосчислению — пятьдесят четвёртый с половиной. Я не возразил.

— По какой причине вещи у меня?

— Ты сама мне их отдала. Прошлый год, май. Кидаешь мне в прихожей и говоришь: можешь выкинуть. Ну, я и выкинул. Тебе в мастерскую. Воскресенье, семь. Смотри, я второй раз их на дом не повезу. Тебе на той неделе кто-то рассказывал, почём нынче бензин?

— А при чём тут день рождения?

— При том, что ты приглашена. Поесть.

— На каблуках?

— Хочешь — жуй в сапогах. Это так. Принёс, чтобы ты вспомнила, где у тебя ноги.

Майка, из кухни или из спальни, спросила что-то про свёклу. Эдик развернулся к ней и сказал, что да, у свёклы нужно отрезать хвост. Снова прижал трубку к уху.

— Майка слышала, у тебя суд сегодня, — добавил он.

— А ты что слышал?

— Я имею право слышать от неё. Она звонить стесняется, не хочет, чтоб ты решила, будто ей любопытно. Приходи. Будут наши и ещё человека три. Не бойся, все живые.

— Время какое?

— Либо ты уже смеёшься надо мной в ответ, либо я зря картоночку целый вечер искал.

Звонок она закончила. Туфли поставила перед собой носками наискось, словно из них минуту назад выскочили ноги, чтобы сделать перерыв между быстрыми пьесами.

Из зеркала над столом смотрела женщина с полосой седины, в чёрном свитере с вытянутым локтем. Складку у рта она невольно поправила ребром ладони, как поправляют смятый край бумаги. Зеркало прежде принадлежало шляпнице: души человека в нём не было видно, зато легко замечались все недочёты причёски. На ходу Люба вынула из кармана стоявшую колом бумажную салфетку. С утра рвала их на тонкие слои, будто двадцать штук вместо пяти помогут ей вытереть больше.

Пачку денег она хранила совсем в другом месте. Несмотря на это, каждые полчаса хотелось расстегнуть сумку и убедиться, что никто не сунул туда ненавистную резинку. В пятницу прямо здесь, в мастерской, её ждала девушка в широкой жёлтой куртке, раскрасневшаяся после быстрой ходьбы. Девушка пришла к закрытию, сунула в руку Любе телефон.

— Сами послушайте. Мне тут уже напередавали, а вдруг я перепутаю?

Молодой человек на другом конце линии работал в доставке. Имя своё сказал — Денис, имени заказчика не назвал. Вместе с конвертом велено передать условие Александра Николаевича: деньги выдают под расписку по приложенной форме.

— Александр Николаевич может прийти сам, — сказала тогда Люба. — Я с него кофейку не возьму.

— Я передам, — сказал диспетчер. — Клиент предупредил, что сам Александр Николаевич в ближайшие несколько лет занят.

От этой короткой насмешки у Любы загорелось лицо. Она могла повесить трубку, отправить девушку восвояси. Прополоскала бы кружку, переоделась и поехала домой, где было

пусто, вымытый в четверг пол отражал всё, кроме того, ради кого она столько раз мыла этот пол. Потом вспомнилось, что уже полтора года ей приходят в голову прекрасные вещи, которые она сделала бы, случись им с Бугровым встретиться ещё раз. Ни одна из них ни к чему не привела. Зато на стойке лежали настоящие деньги.

— Тут посчитать надо.

Девушка молча вытряхнула из конверта плотную стопку. Люба сдёрнула резинку; та ударила по царапине на среднем пальце. Сто тысяч, двадцать бумажек по пять. Заводские сгибы были разглажены, пахли они сыроватой шерстью. Расписку девушка положила напоследок, поверх денег. Лист даже не пришлось придвигать под лампу. Люба прочитала, что в нём было. В том числе число.

С первого раза ручка у неё не писала. Горло взяло так, что она с трудом выдохнула на шарик. Девушка протянула свою.

— Давайте, у меня хорошая.

— А ручка тоже входит в сумму?

Девушка, чрезвычайно уставшая за день от самых разных людей, подняла на неё тёмные глаза.

— Хотите — подарю. У меня ещё два заказа остывают. Можно я в уборную, пока вы там?

Люба открыла ей дверь в конец коридора, вернулась, взяла ручку. Девушка уходила через пять минут. Свою хорошую ручку она вспомнила и забрала.

Тимохин выглянул из дальней комнаты с кружкой в руке.

— Обедаешь? Осталась печёнка. Мне её больше нельзя, а то стану старательнее собаки кусок караулить.

— Давай печёнку, — сказала Люба.

— Степан сегодня за повара.

— А я думала, мастер по утюгам.

— Паштет его жена делала. А Степан — он банку подписал. Теперь у нас это «фирменное блюдо».

Тимохин намазал паштет на два куска чёрного хлеба и пальцем раздавил сверху горошину перца. Ели за верстаком, подстелив газету. Железное ведро на лестнице перекатывалось с донышка на край. Время обеда всё равно оставалось за дверью.

— Красивые, — сказал Тимохин, кивнув на туфли. — Это минутой раньше ты за булочкой сбегала или в невесты собралась?

— Тебе-то зачем?

— Я говорю, чего на них всё поглядываешь. Хочешь примерить, я выйду.

Он услышал собственную фразу и поперхнулся хлебом. Уши стали розовыми.

— Чёрт. Я не про то.

— Да я не обиделась.

Самое обидное было в другом. Раньше он зашёл бы дальше и прицепил ещё что-то, а она вернула бы. Сколько теперь слов у них выпадет из обихода вместе со словом «невеста»? Она подала ему кружку с водой. Принял, запил, снова закашлялся.

— Знаешь что, Лёш. Возьмёшь смену в воскресенье? У меня есть дело к вечеру. Я за тебя во вторник.

— Мы и так по воскресеньям до трёх. Ты в чём на дело поедешь? — поинтересовался он уже деловым тоном. — В моих сапогах или в этих музейных коробочках?

— В серых своих.

Тимохин не поверил. Пододвинул поближе светильник, облизнул пальцы, вытер их не о халат, а о влажную тряпку. Подошву правой туфли он умел слушать, как слушают у двери. Согнул в одной руке, поднёс к уху и перестал улыбаться.

— Попробуешь повернуться — останешься босая. Нитка ещё живая, а вот здесь.

На стыке подошвы и каблука проступила щель, тоньше оконной шпильки. Люба достала из ящика деревянную ложку для обуви и вошла округлым краем в щель. Та пошла глубже. Собственной рукой придётся разобрать туфлю, которую давным-давно сшил уже покойный человек. Да и где брать мягкую светлую кожу на каблук, если даже хороший кусок в городе теперь стоит как целая птица к празднику.

— Я подумаю, — сказала она.

К половине третьего пошли заказчики из химчистки, отдавали ботинки вместе с плащами, забирали вчерашнее. Люба успела сшить верх собачьего башмака, оставив носок открытым до примерки.

В половине шестого вернулся Семёныч. Васька рвался вперёд. Спускаться на трёх здоровых лапах пёс боялся, а тут ошалел от кожаных запахов и влетел в мастерскую боком, как вносят диван. Семёныч молча вывалил на прилавок вязаные носки. Крупные, зелёные, с вышитым красным колокольчиком у резинки.

— Чей колокольчик? — спросила Люба.

— Был жены. Три штуки нашёл одинаковых, не спрашивай, как так вышло. Она у меня вязала и вязала. До пятки иногда не доходила, бросала. Я тебе самые худые взял.

На правом боку у Васьки бугрилась серая проплешина. Всю дорогу пёс шёл, прижавшись к Семёнычевой штанине с той стороны, откуда ехали машины. В помещении он сразу принял положение, которое по его убеждению полагалось всякому порядочному животному, и лёг прямо поперёк порога. Люба опустилась на корточки, приложила старый носок изнутри к собачьему башмаку, прикинула, как обойдутся без резинки.

— Вы не передумали? Из трёх колокольчиков только один целый останется.

— Режь. Я живу на кухне, потому что на местах, где жить полагается, везде вещи лежат.

— Узнает Васька запах?

— Ей обрадуется. Спал-то у неё на кровати последние годы. Она велела не гнать.

Пока Люба прихватывала подкладку, Семёныч разглядывал оставшиеся у него в кулаке зелёные петельки. Потом расправил их на колене. А она свои туфли отдала Эдику, потому что решила навсегда распорядиться тем, что будет помнить.

Когда псу надели башмак, он поднял левую переднюю лапу, постоял и осторожно, будто ставил стакан в кухонную раковину, опустил её на пол. От ткани пахло шкафом, домом, старым хозяйским потом. Пёс клюнул носом, попробовал зубами. Семёныч уже навис над ним.

— Ничего, иголки там нет, — сказала Люба.

— Да я посмотреть. Нравится, нет?

— Васька вам сейчас об этом целую открытку напишет.

В коридоре Васька уже ступал на лапу. Второй носок Семёныч оставил для запасного башмака. Люба сняла очки; в старом шляпном зеркале отпечатались красные ямки от дужек. Она подумала о Бугровской дочери. Что та так смотрела на Галину, когда отец произносил её имя? Неужели до последнего надеялась, что уж на этот-то раз он сказал правду?

Пачка была дома в кастрюле, в которой когда-то варили на даче кукурузу. Плоский конверт прекрасно уместился на дне. Теперь всякий раз, как хотела поставить вариться еду, Люба бралась за большую крышку и вспоминала, что придётся взять кастрюлю поменьше.

— Ты торопишься? — спросила она Тимохина.

— С чего бы?

— Сейчас на правой каблук сниму. Подержи лампу, Лёшенька. Глаза стали ни к чёрту.

Он снял светильник с крюка и молча держал над её рукой.

Глава 4. Свет в прихожей

Покупательница начала с перекладины над ванной.

— Она со стеной уйдёт, если вы начнёте снимать, — пояснила покупательница. — Мне плитку жалко. Тут ведь заложено крепление. Мастер знал, что делал.

Женщина сунула два пальца под стальную трубу и потянула на себя. Вера едва доставала до неё, поднимаясь на носки. Из всего, что сделал отец в этой квартире, Вера сильнее всего любила эту штуку. К вечеру у неё болела спина от целого дня над чужими шнурками, и можно было потянуться, уцепиться и повисеть с подогнутыми коленками.

— Останется, — сказала она.

— Запишу.

Женщину звали Мариной, денег она ещё не предлагала. Записывала в тетрадочку, какую соседку Вера видела этажом выше и сильно ли течёт по весне из водосточной трубы. Рядом стояла дочь Марины. Вера на глаз дала ей свой возраст. Дочь держала сумку и слушала, как мать выбирает себе квартиру. От большого пальца на тёмной коже сумки оставалась вмятинка.

— Понятно всё без тетрадки, мам.

Марина вышла из ванной и аккуратно притворила дверь.

— Если бы было понятно, Машенька, мы бы уже третий год купленное мыли.

За время осмотра успело стемнеть. Вера включила лампу над столом. Лампа освещала и раковину, и край кровати. Из-под покрывала торчал носок ботинка. Чехлы на лезвия сушились на батарее. От батареи шёл тёплый, чуть кислый запах шерсти. Маша понюхала воздух, но не поморщилась — сунула сумку матери на подоконник и присела на корточки, разглядывая кожаный ботинок.

— Сорок первый?

— Сорок второй. Мужские.

— У папы такие были. Наш Федя их уволок, обе ноги в один ботинок сунул. Потом звонил мне на работу: мама, как вылезти?

— У нас в семье тоже всякое по чужим углам найдёшь, — объяснила Марина. — У нас Федя главный по вещам. Внук это, Машин сын. А вы здесь коньки ремонтируете?

— Это не мои. Подшила изнутри для одного человека, а второй промок насквозь. Пока не высохнет, клей не возьмётся. Да вы садитесь.

Она отцепила от спинки стула своё рабочее удостоверение на белом шнурке. В коридоре суда она дважды больно дёрнула себя им за шею. Три женщины видели, где она работает, если кому понадобилось. Вера опять услышала непонятное Беляевское «А он у меня их когда брал?». Интонация была одна, а смыслов у фразы целых два — и каждый ложился на Веру своим весом.

Марина сняла кепку и села. Оказалось, у неё седые волосы до пояса: коса тонкая, ровная, матовая, лежала под воротом, и женщина сперва достала её из пальто, а потом поправила шарф. Вера отвела глаза. Почему-то было неловко смотреть, как незнакомый человек покажется таким домашним и сейчас же назначит за твоё жильё свою цену.

— Чтобы вы понимали, я сюда одна, — сказала Марина. — Маша смотрит из любопытства.

— Я смотрю, куда ты мне ключ оставишь. Вдруг ты тут навернёшься.

— Ключ ей надо. Новый телефон я у тебя получила — куда я пошла, когда вернулась, что в аптеке получила, просмотри чек и тащи пальцем влево. Я от вас, Маш, хоть до ванной одна когда-нибудь дойду?

Дочь молча прикрыла кухонным полотенцем сушившиеся на стуле шнурки. Маше явно хотелось что-нибудь сделать руками. Вера знала этот зуд. Когда отец в суде произнёс фамилию Беляевой, Вера пыталась расправить под воротом белую тесёмку, хотя ничего там не давило.

— Когда хотите освобождать? — спросила Марина.

— Не за неделю точно. Я работаю.

— Вы где, на катке, да? Так мы вам поможем. Вызовем машину, Феде только скажи, он всю коробками заставит.

— Мама.

— А что «мама»? По десять коробок каждый к выходным купит, это уже полкомнаты собралось. Пока ты с Федей из роддома приехала, я вам всю квартиру так обставила.

Вера посмотрела на своё хозяйство. Десяти коробок на полкомнаты не понадобилось бы. Скатать матрас, вывинтить четыре болта из основания кровати. Перекинуть батник и свитер через спинку стула, поставить на стул колонку — выходи и захлопывай за собой. Куда деть цветы, она не знала. На подоконнике росли три герани. Однажды в букете, который принесли на каток, Вера нашла несколько пахучих веточек и поставила их в стакан. Все три дали корни. Вера приклеила к каждому горшку бумажку с датой. Первый, кажется, мог пережить переезд, два других всё ещё тянулись к свету тонкоголовыми птенцами.

— Я поживу у мамы, пока поищу. Здесь рядом остановка. До катка сейчас сорок минут пешком, я так быстрее дохожу, чем с пересадкой. От мамы ещё минут тридцать.

Марина достала кошелёк. Вера попятилась к раковине.

— Мы же с вами только посмотрели.

— Я не дом из кошелька покупаю. Мамка всегда велела первый раз в чужой дом конфетку нести.

Она вытащила упругую рыжую курагу в маленьком прозрачном пакетике. Вере стало до того глупо, что она немедленно разорвала пластик, откусила от кураги половину. Машина верхняя губа дрогнула.

— У нас теперь всё в пакетах. Мама заказывает на неделю вперёд. Скоро и хлеб будет к обеду по ломтю запечатывать.

Они ушли без торга. У лифта Маша дождалась, пока мать зайдёт в кабину, придержала дверь.

— Если передумаете, предупредите, пожалуйста. Пока она туда сами знаете чего не внесла.

— Мы ведь ничего не договорились.

— Да. Мы ни с кем ещё ни о чём. Но она уже себе рядом с вашим окном кровать поставила.

Марина из кабины сказала, что в детство пока не впала и слышит их обеих. Маша отдёрнула локоть. Когда дверь лифта сошлась, из кабины донёсся женский смех. Смех оставался слышен ещё полпролёта.

В квартире гостевые бумажные тапки лежали друг на друге нарочно ровно. Вера села на табуретку с ботинком на коленях. В прихожей горел низкий светильник. В нём отец перевернул выключатель: сначала пришлось привыкать нажимать вниз, чтобы зажечь. Зажигая его, Вера всё ещё иногда вспоминала, как отец придерживал крышку большим пальцем и просил посветить ему с лестничной площадки. Теперь Вера догадывалась, почему женщины отдавали ему деньги. С каждой он успевал нажить какую-то мелкую неправильность, которая становилась родной раньше, чем её успевали заметить.

Ботинок принадлежал старику из соседнего дома. Звали его на катке по-разному в зависимости от настроения. В хорошие дни он был дядя Слава, в плохие — Вячеслав Макарович и чего вы меня лапаете за снаряжение. Когда-то он приходил дважды в неделю прямо из сада, с коленями в грядочной земле. За лето его жена потеряла равновесие на ступеньке, и он боялся

оставить её одну даже на полчаса. Вера предложила ему утром в будний день, когда приходит её сменщица, привести жену с собой. Та посидит в тепле стеклянного пятачка, где родители переобувают детей, а он пройдёт два круга. Макарович постеснялся побираться за десять минут на льду, а ботинок протянул под прилавок. Забирай, говорит, если сможешь — отдай в прокат, пускай кому цифра сойдётся.

Вера тогда придумала четверговый час для тех, кому тесно и стыдно на общем катании. В выходные лёд для них никогда не освобождался: то родители выпускали вперёд ватагу школьников, то хоккеисты отнимали половину вечера. Вот Вера и выбрала утро буднего дня. Директор обещал поискать окно. Вера не сказала ему, что, если разрешат, ей теперь, возможно, негде будет вешать куртку ночью. Шкафчик на катке полагался на один замок двоим. Мама ещё не знала, что Вера собралась к ней переехать.

Она позвонила сменщице. Тонкий Настин голос затерялся между криками посетителей и шуршанием лезвий о резиновые дорожки.

— Настасья, принеси мне завтра синюю иглу с ушком, эта съелась. Железо от воды крошится.

— Там баба пришла. Про тебя спрашивает. Говорит, передать, что писала и ты прочтёшь.

— Какая баба?

— Седая. Тонкая высокая. На груди листок, фамилия какая-то. Я ей и сказала — у Веры выходной до завтра. Отчего все стесняются сказать, что хотят к нам на лёд? Не ты так я посмотрю ботинки.

На секунду Вера обрадовалась, что её всё-таки ищут, что не пропала даром её идея. Потом вспомнила, как неделю назад Алла Кораблёва стояла на крыльце у катка. Та женщина была быстрой, прямой, с кроваво-красной бижутерией даже среди бела дня. Вера тогда всё думала, почему она не нашла на ней какой-нибудь слабости в одежде, хоть подол оббитый. Алла хорошо зарабатывала до предложения Бугрова купить совместно холодильную камеру. Четыреста двадцать тысяч дурно отразились на её счёте, но держалась она как человек, перед которым всё ещё принято открывать дверь. Она не требовала денег у Веры. У неё было другое требование. «Вы почему мне его в кафе тогда отрекомендовали как порядочного?» Вот отчего цена квартиры легла в Вериных мыслях поверх сумм. Из этой арифметики никто бы пока не вычел её долю.

— Завтра разберёмся, — сказала Вера.

— Верочка, а у тебя вот продаётся комната или что там? У нас Павел из охраны сыну ищет. Ему номер скинуть?

Вера стиснула ботинок. О лезвие царапнуло кожу между большим и указательным пальцами. На белой коже выступила красная точка.

— Ты откуда знаешь?

— Так Павел увидел твоё окошко с геранью. «Настя, глянь, это у Бугровой?» Тут и чужие тоже нормальные бывают. Он спросит только и больше не станет приставать. Ты чего дыхание затаила?

— Колю себе палец.

— А, ну коли тогда. Чаю не забудь попить вечером. Утром подойдёшь, даст бог, живая.

Настя умела сказать «живая» так, что любому человеку хотелось немедленно проверить у себя пульс. Вера вытерла капельку об салфетку. Пальцы у неё были рабочие, с грубой подушечкой в каждом месте, где приходится за целый день двести раз подтягивать чужие шнурки. На катке она помнила, где ослабить шнурок на маленьком ботинке. Старикам, которые приходили, следовало предлагать скамью повыше: встать с низкой им приходилось, сползая на одно колено. Отец однажды видел, как она подкатывает человеку деревянный кубик под ступню. «Ты у меня, если на кассу станешь, так и будешь всем конфеты из-под стойки давать?» Семья приняла это за похвалу.

Она полезла в папку с названием «Однушка». Там были сохранены снимки, сделанные в день первого просмотра. Три года назад то же самое окно прикрывала осыпающаяся алюминиевая штора. Мама дала ей часть денег от бабушкиной квартиры и пожелала купить наконец что-нибудь для себя: до этого Вера главным образом скупала для проката коньки, из которых выросли чужие дети. Остальное Вера накопила сама; стыдилась потом признаться, что при покупке квартиры смотрела прежде всего на то, достаточно ли в прихожей будет места сесть на пол и разбросать вокруг ботинки. Отец тогда пришёл на второй день, с лампой, перекладиной и матросским ящиком инструментов.

Вера могла продать квартиру и купить комнату. Отец ничего бы ей не смог приказать. Ей даже нравилось, что он будет глядеть через своё толстое стекло, а она выйдет, подойдёт к живой женщине, положит деньги на стол и хоть этим его опередит. Она привыкла выручать отца: доехать, встретить, принести наличные заранее, отложить оплаченный билет на утро. А тут получалось раз и навсегда — никто больше не будет в переулке просить у неё сказать, когда же продадут камеру, которой не существует.

Она порылась в переписке, нашла сообщение от риелтора Сергея. В воскресенье тот попросил предупреждать о намерениях хотя бы за сутки. Объяснил, что варианты дешевле этой студии уходят из открытой продажи быстро. Гораздо быстрее, чем здесь с геранями. А сегодня прислал ссылку на комнату в квартире с двумя соседями. Если купить, на убытки трём женщинам останется. В пятницу к трём суммам добавилась четвёртая. Теперь у неё было лицо, голос и седая нитка, прибившаяся к воротнику. До пятницы смету Вера уже свела и даже разрешила себе оставить небольшой остаток, чтобы перевезти мебель.

Она нажала на ссылку. Комната была обыкновенная. Подвесной шкаф, стену за железной кроватью кто-то обил тканью в полосу. Обивка прибита на мелкие гвоздики, в одном углу провисла. Женщина, делавшая фотографии для объявления, попала в выключенный телевизор напротив кровати. Её маленькое круглое лицо стояло в чёрном стекле как в ночном окошке. Вера увеличила снимок. За головой женщины в стекле темнела щель приоткрытой двери, а в щели виднелся белый халат другой женщины. За стеной жил кто-то, кто любил смотреть, как в их дом входит чужой человек.

Раньше, когда она была совсем маленькая, а отец ещё часто оставлял её ждать в прихожей у случайных знакомых, она верила: есть хороший человек в комнате, есть плохой, надо только правильно выбрать, за какой стул встать. Потом они приходили к другой двери, а за нею оказывалось, что отец про каждого может сказать по такому хорошему слову, при котором выходить следовало безо всяких счётов.

Письмо, что обещала Настина посетительница, пришло в старый рабочий чат. Никакой Кораблёвой. Женщина подписалась Инной Петровной. Ей семьдесят один год, она раньше каталась с мужем в Тутаеве, удостоверение пенсионера есть, только муж умер, а за другим человеком держаться неудобно, тем более за молоденького мальчика на зарплате. Можно ли просто посидеть у льда первым разом? Посмотреть, как люди на лёд выходят. Если никто не возражает, со своими тёплыми носками и термосом.

Вера ответила: «Конечно, Инна Петровна. Вы можете и вообще за ним не выходить». Перечитала, увидела, как странно получилось, заменила на «Можно сидеть сколько вам хочется. Я подойду к вам сама». Тут она впервые за всё время всерьёз огорчилась, что утренний час ещё не дали. Пока Инна Петровна доберётся, там под музыку завизжат чужие люди и какой-нибудь тренер спросит, долго ли она будет занимать стул. Вера втянула щеки, написала директору. Назвала и Макаровича с женой, и согласную подождать женщину, и предложила остаться на четверг сверх смены совершенно бесплатно. Отправить не успела. Дописала в конце: «На первый раз. Если пойдёт, дальше обсудим». Вот это уже можно было послать.

Сергей ждал ответа по поводу комнаты.

«Покажите мне её», — написала Вера. И, пока хватало решимости нажимать клавиши, послала матери короткое: «Я приду к тебе в четверг. Надо поговорить».

У порога после покупателей остались две светлые полоски растаявшего снега. Вера выключила свет привычным движением вверх. Правильнее выключателя на всём свете у неё, пожалуй, больше не будет.

Глава 5. Рыба смотрит влево

На одной стороне ящика с конфетами Тася нарисовала себе кровать, на другой — маме. В детской полагается окно, мамино окно не уместилось. В понедельник за завтраком оказалось, что кровати можно поменять. Для этого всего-то надо перевернуть ящик, и остаётся прежняя беда — кто-то из двух спит в тёмной комнате. Яна опрокинула картонку на бок, открыла клапан.

— Гляди, балкон.

— Там мы обе выпадем.

Она загнула клапан обратно. Дочь понимала кое-что в домах. Просила завести крыльцо, хотела дверной глазок на своей высоте, а большую красивую квартиру на экране телефона забраковала из-за ванной с прозрачной стенкой. Пока одна моется, другая же захочет почистить зубы. В этом возрасте человек ещё совсем недавно мылся сидя в кухонной раковине, а уже знает цену запирающейся двери.

Яна хотела снять жильё с двумя окнами в комнате. Повесишь занавеску поперёк, и ни одна из них не окажется в темноте. Правда, из всех квартирных хозяек только нынешняя позволила бы вбить в стену два гвоздя, а именно у неё окно было одно.

В детсадовской раздевалке пахло паровым омлетом. Видно, ящиков с конфетами по домам скопилось много: двое детей занесли своих кукол в таких же кроватях. Тася упрятала свой ящик в шкафчик и предупредила маму, чтобы забирать его пришёл папа. У него дома есть настоящий нож для картона.

— Между прочим, у меня их на работе восемь, — сказала Яна.

— Ты скажешь: давай я сама.

С этим трудно было спорить. Яна отнесла в мастерскую табурет, который они на прошлой неделе выкрасили для группы. Федин лак на сиденье не сох третий день. Ещё хорошо, что стульчик забрали вовремя, иначе он ушёл бы домой с каким-нибудь ребёнком.

Потом были буквы «Треска» на витрине рыбного магазина. Заказчица в последнюю минуту вспомнила, что хотела ещё стрелку к дверям, а Ульяна, девочка на испытательном сроке, взяла за край уже наклеенную рыбу и оборвала ей усы. Смотреть на это было жалко. Яна как раз вырезала второй ус, когда Рита позвонила из суда. Телефон Ульяна поднесла ей к уху.

— Какой он? — спросила Яна у сестры. Ей казалось, что она узнает ответ раньше Галины. Слышит голос и знает: выше папы на голову, держится за живот, весёленький даже там, у стекла. Вместо этого выяснилось, что мужчина низенький. С таким едешь в маршрутке бок о бок и, пока он не встанет, ничего про него не скажешь.

Разговор кончился. Ульяна отдала ей трубку. Заказчица попросила, чтобы рыба смотрела на дверь, и ушла в соседний магазин. Девушка осталась на стремянке с очень серьёзным видом.

— У тебя лица нет, — сказала Яна. — На лазанье по стремянкам не подписывалась?

— Рыбу жалко.

Девочка перевернула свою ладонь. На подушечке большого пальца серебрился рыбий ус. Она сберегла его, чтобы рыба всё-таки стала целая.

— Оставь себе на память, — сказала Яна. — Рыбе я другой приделала.

— А почему она налево смотрит? Дверь направо.

Яна отошла и посмотрела на витрину с тротуара. Пасть в самом деле провожала покупателей. На макете она забыла отметить дверь, а Федя вырезал по рисунку, как она показала: «Рыба средняя, одна штука».

— Мы можем из неё камбалу сделать, — с надеждой предложила Ульяна. — Переклеить глаза.

Пришла заказчица с двумя пирожками. Полюбовалась, отступила на проезжую часть. Яна успела оттащить её за пуховик перед белой машиной. Машина объехала их без сигнала. Заказчица побледнела, выпрямилась и подняла взор на треску.

— Даже лучше! Она, значит, вместе с человеком хочет выйти и домой к нему пойти. Вы сразу и задумали?

— Мне бы в голову не пришло, — сказала Яна.

Пирожки им достались с палтусом. У Ульяны осталась наклейка, у рыбного магазина — рыба с характером. Одна Яна до самой мастерской не могла отделаться от мысли, что такую же любезную ложь она сегодня слышала по телефону. Низенький! И как ей удалось прожить тридцать пять лет, из них все тридцать пять при Галине, и до сих пор выпрашивать у неё ответы, точно сдачу с крупной купюры?

Она доела холодный пирожок в мастерской. Отмывала лицо у раковины и стыдилась, что за утро успела и пожалеть сестру, и разозлиться на неё.

Комнату семь лет назад продавали супруги, жившие как раз над мастерской. Тогда Тамара Петровна помогла ей найти работу. С комнатой Яна опоздала: сначала не шла к чужим людям в обиде и горе, а когда пришла, они уже договорились с другими. Пришлось выслушать ещё и сочувствие. Зато Тамара позвонила соседу вниз: «У девчонки руки приличные, дашь ей попробовать?» Сперва Яна работала у Феди в выходные после смен в копицентре. Через год он предложил ей выбрать.

Свёрнутые полоски новой вывески лежали в длинной синей трубе. Яна засунула туда телефон и постучала трубой в потолок. Сверху ответили два раза. Они с Тамарой Петровной придумали такой звонок, когда в мастерской затеяли ремонт. Соседку надо было спрашивать, можно ли начинать сверлить, покойный теперь муж её спал днём. От целой жизни с нелюбовью к шуму у людей остался сигнал на палке.

Тамара Петровна отперла в кухонном фартуке, который некогда доходил ей до колен, а теперь хлестал по щиколоткам; видимо, опять распустилась бретель.

— Стану старенькая, — сказала она, — ка-а-ак лягу с газетой. Пока что приходится работать. Проходи, у меня шторы сели.

— А ты не старенькая?

— Дай мне дожить самой, я тебе сообщу.

У неё в дальней комнате висели на кольцах две зелёные портьеры. Они сходились вверху, ниже краями расходились вкось, будто кто-то за ними спрятал широкий плечистый шкаф. Тамара Петровна потянула одну к полу. Показались провода лампочек.

— К Новому году хочу подсветить. Сюда сядет внучка фотографироваться. Феде, главное, не говори: гирлянду у него купила, поругает за самодеятельность.

Яна залезла на низкий подоконник. Вторая петля стояла на месте третьей; ткань под тяжестью внешнего края оттягивалась в сторону. Она перестегнула петлю, протянула провод в зазор. Нижние края разошлись. На полу стояли два пустых чемодана.

— Собираешься?

— С дочерью на месяц меняемся. Ей от меня ближе до клиники. Я в прошлом году предлагала — поругались. Она решила, я у неё поселюсь и не уеду. В этот раз я сама срок назвала: двадцать седьмого даю ей ключи, двадцать седьмого декабря забираю.

Присела на чемодан застегнуть ремешок. Человек семь лет назад отдал свою комнату другим людям, у человека чемоданы и гирлянда, дочь, внучка. Несостоявшемуся покупателю нет места в его расписании.

— Тамара Петровна, а про наши деньги помнишь?

— Почти каждую осень.

— Зачем?

— Затем, что невестка у меня осенью родила. Внуку семь. В год, когда я с тобой тут обнималась, его ещё и на руках не было. Он теперь кошке под хвост фломастером тычет. А мне кажется, будто вчера тебе ключ приносили.

— И какие мы тебе тогда называли суммы?

— Первый взнос, потом что будете отдавать каждый месяц. Муж на картонном календаре записывал. У вас ведь так и не нашли, кто взял деньги?

— Почти семь лет никто и не искал.

— А я получила от Риты сообщение про какой-то суд. Думала, нашли. Знаешь, я в том году ужасно злилась на тебя.

Она повернулась немного в сторону, давая гостье время снести такое известие.

— А для чего ты нам тогда звонила?

— Я и звонила, чтобы выговориться. И каждый раз слышала твой голос и не могла. Муж давал тебе ключ, когда у вас было сто восемьдесят. Он так и сказал: у людей деньги готовы. Потом ты принесла ещё немножко.

— К тебе?

— К себе домой, не сюда. Ко мне ты зашла на другой день, сказала, что ещё пять прибавилось, и мы сели пить чай.

— Я помню, как ты расстроилась, когда я сказала про деньги. Будто про что-то другое подумала.

— Про коляску для внука. Уже мысленно была в магазине с вашими пятью тысячами, бордовую присмотрела. До сих пор совестно. А ты сахар не могла размешать, палец был забинтован — такая кровяная колбаса у тебя из бинта торчала!

Тамара Петровна засмеялась, показывая рукой, как та неуклюжая девчонка семь лет назад пыталась обхватить чайную ложку.

Яна опять села на подоконник, на этот раз свесив ноги в комнату. У самого ногтя до сих пор белел короткий рубец: она однажды полезла подровнять стопку и прижала мизинец планкой резака. Боль была не такая сильная, как стыд. Начальник сам свозил её к врачу, оплатил перевязку. Сёстры даже эту доброту обругали: бережливый, за целые летние выходные работы дал пять тысяч. Только это были первые деньги за её собственный щит. У прежнего начальника в копицентре Яна обычно работала с чужими рисунками, а тут сама придумала разноцветного слона с колокольчиком на синем хоботе, нарисовала и перенесла на дерево. Заказчик вручил деньги при ней, начальник тут же выделил ей ровную пятёрку. Держи, сказал, и купи слону слониху. Она тогда обиделась: в такую минуту можно было обойтись без очередной его шуточки. А теперь хотела бы его увидеть. Ушёл на пенсию, забрал с собой все шуточки и ни разу не был на старой работе.

— Подожди, — сказала Яна. — Точно в этот день я у тебя чай пила? С пальцем?

— Точное число не вспомню. Зато помню, как ты меня про стол спрашивала. Не кровать куда поставить, не пальто где повесишь, а где можно будет рисовать, когда ты поселишься.

Удивительно, до чего недорого, в сущности, стоила мечта той двадцативосьмилетней женщины. Сидеть на стуле и никого из родных не отодвигать при этом локтем.

— Когда договорились с другими людьми, ты очень обиделась, — сказала Тамара Петровна. — Погоди спорить. Сюда приходила, ничего мне про обиду не говорила, а потом вниз прекратила стучать. Месяца на три. Ты думаешь, я глухая? И муж мой ждал. Ты же ему на инструменты должна была наклеить разные буквы, он постоянно плоскогубцы из чужого ящика приносил.

— Ты думаешь, я должна была к вам прийти и петь с вами от радости?

— Господь с тобой, Яна. Я думаю, тебе хотелось побыть без нас, раз мы тебе так неудачно подвернулись. Мы-то почему всё время ждали благодарности? Мы ничем не поступились. За

сколько собирались продать, за столько и продали. Не надо было ждать от тебя музыки. Я это поздно поняла.

Из верхнего ящика тумбочки Тамара Петровна достала свёрток в обёртке от вафельного шоколада. Полоски фольги разъехались, на стол упали два тяжёлых подхвата для портьер. Из густой медовой бахромы тут и там выбивались зелёные нити.

— Ты занавеску примерять принесла на плече, одну, а у нас два окна. Муж говорит: можно её пополам разрезать и стянуть, на каждое окошко будет нарядно. Попросила мою маму сплести подхваты. Она в тот год много лежала, а руки не могли лежать. Гляди, какие ровные. Сорок раз она меня заставляла ей кончики подравнивать.

Яна прижала подхват к запястью. В ладонь лёг длинный тусклый шелковистый хвост, тяжёлый, как короткая коса. Ещё минуту назад её жизнь 2019 года умещалась в одну некупленную комнату, единственный ключ, одну несчастную сестру, одну исчезнувшую пачку. А на самом деле две чужие женщины что-то подрезали для неё маленькими ножницами и там рос мальчик, который, когда вырастет, будет красить кошке хвост.

— Ты возьми их, — сказала Тамара Петровна. — А то я ими когда-нибудь бельё перевяжу. Для того и вынула.

— Феде на уши повесим, — сказала Яна. — Ему пойдёт.

Внизу включили пилу. Федя спохватился об обещанных к вечеру квадратах для двустороннего меню, и пол под ногами словно уехал в сторону. Тамара Петровна села на подоконник, освободившийся после Яны, и прижала ладонь к стеклу. Несколько секунд Яна смотрела на её руку. Внезапно ясно увидела свою собственную руку семилетней давности. Пятитысячную сунула между пальцами, пальцами проверила, высох ли синий торец нового щита. Бумажкой и смахнула полоску краски с ребра. Потом стояла перед слоном с этой синей уликой в руке, пока начальник снимал для неё на телефон: первый заказ. Дома Рита разложила семейные деньги веером для мамы, в тот вечер отмечали, что можно наконец всерьёз говорить с хозяевами. Мама, получив фотографию, велела испачканную пятитысячную поскорее разменять. В банке такую не примут! Вот как было. Одетый в бинт палец, синяя черта и два разных снимка, сделанные в один день.

Она сунула обе кисти в карман.

— Зайдёшь прицепить зимой, когда я въеду куда-нибудь?

— Между двадцать седьмыми, пожалуйста, не въезжай, — попросила Тамара Петровна.

Яна спустилась вниз, нашла телефон в тубе и набрала Галину.

— Поищи в мамином старом чате две фотографии. Слон на щите и моя пятёрка с синей краской, а потом деньги уже дома, у Риты. Она снимала для мамы. Помнишь, мама заорала, что такой купюрой платить нельзя? У меня тот телефон утонул, а вы с Ритой должны были получить. Я думаю, там есть число. Найди его, Галь. Хоть один раз мне своё число скажи.

Глава 6. Слон на щите

Во вторник Галина поехала к матери за телефоном, который сама же подарила ей на шестьдесят пятый день рождения. Тогда из всех достоинств аппарата мать больше всего поразил фонарик. Три дня она отпугивала им голубей с подоконника, а потом голуби привыкли и даже моргать перестали.

— Выкинула я его, — сказала мать.

Сидела она на кухне за вязанием. Трёхцветная кошка Маруська расположилась под лампой. От неё на столе лежала овальная тень, закрывавшая половину выкройки. Мать вязала чехол на табурет. Дома у неё было два табурета и восемь чехлов. Из-под маминой руки торчало последнее из восьми её представлений об удобстве человека: толстая зелёная лягушка.

— И чего приехала спрашивать, если знаешь, что я всё выкидываю?

Галина поставила на стол сетку с грушами. Купить это пришлось потому, что у матери с прошлого раза ещё оставалось два десятка яиц, а всякая другая еда, по её словам, лежала камнем.

— Даже зарядку выбросила?

— Тебе зарядка нужна?

— Папка с фотографиями нужна. За девятнадцатый год. Там Янин слон.

Мать наконец сняла очки. На переносице у неё остались маленькие розовые вмятины, какие бывают на боках яблока от чьих-то очень осторожных пальцев.

— Помню его. Синего. Ещё хобот не туда вывернут.

— Куда хобот надо, мам?

— Из-под губы. А она изо лба вывела. Всё равно хороший слон. Я ему пятаком в нос тыкала, смотрела поближе. Зарядка там.

Она показала спицей на жестяную банку из-под кофе. В банке стояли расчёски, ножницы, три длинные кисти для подклеивания обоев и небольшой деревянный заяц. Зайца Галина вырезала в седьмом классе, на народных ремёслах. С прошлого года у него перестало стоять правое ухо. Она вынула зайца, зачесала ему ухо назад и нашла под кистями чёрный шнур.

— Кого это выкинула? — спросила она.

— Так он не телефон уже. Он работает, когда на зарядке. Как телевизор. Вещь с проводом.

Аппарат лежал в ящике с таблетками. Мать считала, что всё, чему нельзя ни мёрзнуть, ни нагреваться, имеет право жить в одном месте. Галина вставила штекер, оставила аппарат на столе. Мать перебрала груши, нашла одну похуже, сразу начала чистить.

— Ты Риту видела? — спросила она, не глядя.

— Вчера.

— И Бугрова видела?

Галина посмотрела на её руки. Мать срезала с груши тонкую кожицу одной длинной лентой. Галина в детстве ела мамину шкурку прямо у неё из-под ножа.

— Мотря Лукинична прочитала и позвонила. Знаешь, что мне сразу вспомнилось? Рая Сабанеева тогда морковью торговала. Я к ней с тех пор ни ногой. А ведь ты мне не сказала тогда, что у её прилавка. Это я сама решила. Ты могла бы и поправить.

— Мам, я разве на Раю хоть раз сказала? Мы в суд сходили поглядеть. Мужчины я не знаю.

— Так мне об этом и скажи. Я-то зачем от Мотри про тебя узнаю?

— Ты хочешь, чтобы я тебе раньше сказала, чем он мне?

Мать помолчала. Встала, открыла шкаф, вынула две тарелки. Разложила грушу каждому по половинке, шкурку оставила себе.

— Давно у меня был случай, — сказала она. — Про заведующую нашу написали, что она с квартиры детей выселила. Хорошая такая женщина, строгая была. Нам даже на тёплой воде не разрешала гуашь разводить, чтобы зря не тратить. Но я всё-таки встала на собрании и сказала, что у нас её при мне поблагодарили за путёвку. Так вот, она потом сама подошла и говорит: «Валентина, я и детей выселила, и путёвку дала. Ты, если про меня ещё встанешь, про детей забудь не сказать». Вот какие тогда женщины были. Ты посмотри, какой у меня телефон гарью воняет! Сейчас вот загорится вместе с грушами твоими.

Галина перевернула аппарат. Запах шёл от вязания: клубок скатился за кресло и почти касался горячей батареи. Она вернула его на стол, включила экран. Телефон долго думал. Сверху медленно всплыла старая фотография всех троих сестёр в распахнутых дождевиках. Яна стояла посредине, раскинув руки, как перекладину. За один её локоть уцепилась Рита, за другой — Галина. У каждой довольно красивая улыбка выходила чужим ртом. У Яны — Ритина, короткая, у Галины мамина, с раскрытым зубом, чуть выдвинутым вперёд. Рите одной удавалось улыбаться сразу за всех.

Мать ткнула в картинку.

— А разве это не в десятом было?

— Мам, ты на себя не нажимай. Подожди.

Чат назывался «Дом 14». На четырнадцатой квартире, где они выросли, давно стояла другая дверь, и даже номер со спиленной четвёркой сменили на печатный, но чат продолжал быть тем местом, которое уже не надо было запирать. Здесь предлагали огурцы, сообщали, что автобус опять застрял, спорили о винте в старой мясорубке, просили найти мамину варежку. Другие долгие поиски в жизни Галины тоже начинались с уверенности, что всякий нужный день можно быстро достать за уголок из календаря.

Прежде фотографий нашлась Ритина записка конца сентября девятнадцатого: «Девки, у кого тогда из-за денег болело, попрошу сегодня в девять Маринку забрать. Мне одной плохо». Галина такого сообщения не помнила. Боком в глаза ткнулся её собственный ответ: «Я урок вожу». Потом серый кружок, поверх которого уже не было никакой картинки, и Янино «иду».

Галина положила большой палец поперёк экрана и двинулась назад.

— На кого ты сердишься, Галка? — спросила мать.

— На себя, наверное.

— Тогда ешь. А то успеешь и проголодаться, и обидеться, и ничего не останется.

Когда дочери приходили с настоящей бедой, мать толкала к ним тарелку. В другое время она могла кому угодно рассказывать, что человек сделан из одного характера. Галина взяла грушу, надкусила. Груша была твёрдая и сладкая.

«Первый мой!» — написала Яна во вторник двадцатого августа. Фотография ещё крутилась серым колесом, когда Галина узнала склонённую набок голову сестры. Большая плоская звериная голова в левом верхнем углу была не синей и даже не слоновой. Яна придумала слона из кусков разного цвета. Ухо тёмно-рыжее, с золотой полосой, хобот густо-синий, бока в клетку. На нём была расписная попона из мелких геометрических фигур. Расхваливая нынешнюю Янину работу, Галина обычно говорила: «Как настоящее». Та девчонка на снимке уже семь лет назад знала, что ей вовсе не обязательно делать настоящего слона, чтобы взрослому человеку захотелось на него сесть.

— Совсем он не изо лба у неё, — сказала Галина.

Яна держала в поднятой левой руке купюру. Палец забинтован. На краю банкноты, у правого угла, тянулся широкий яркий мазок. На телефоне было видно, в каком месте угол загнулся, когда она прижала мокрую краску. Справа от щита свисал шнур, похожий на хвост. Во дворе стояли низкие навесы, где сегодня размещались ячейки для шин.

Вторая фотография пришла вечером. Сумерки за окном, жёлтая клеёнка на Ритином столе. Семейные деньги Рита разложила в два ряда, купюры пачками, а последнюю пятиты-

сячную Яна положила на них отдельно. На этот раз в помещении краска казалась почти чёрной. Загнутый угол лёг точно так же, как у деревянного слона. Между двумя картинками было четыре часа с небольшим. Они обе были отправлены во вторник двадцатого августа.

— Не твои ли это пальцы? — спросила мать.

— За щитом Янины.

— Я вижу, что за щитом Янины. Со стола на клеёнке торчат. Дай сюда. Вот, бестолковая.

Около пачек действительно виднелась чужая рука, смазанная от движения. Пальцы тянулись поправить купюры. Без кольца. На большом, под самым ногтем, тонкая чёрная дужка. Галина всю жизнь носила эту дужку с тех пор, как отец дал ей заколотить первый гвоздь и кусочек грифеля от сломанного карандаша зашёл в подушечку. Никогда на неё не смотрела, да и не было нужды. Она всю жизнь умещалась ровно в том месте, куда человек, имеющий такую штуку на своём пальце, почти не глядит.

Фотографии не могли ничего рассказать о том, когда открыли конверт снова. Только о том, что во вторник они сидели вокруг стола, и деньги всё ещё были дома. Она могла показать обе фотографии и больше ничего не рассказывать. Бугров не брал их в воскресенье. Подтверждение вот оно. Никого не надо звать, не надо рассказывать, как она потом торговалась за «Калину», сбив пять тысяч, которых больше не могла предложить. Достаточно небольшого кусочка правды — как соседней, чистой, стороны тарелки, на которой ты оставил всё невкусное.

— Я заберу на час?

Мать спросила, не хочет ли она вместо телефона взять старую хлебницу. Высокая, в виде домика, с выдвижным ящиком.

— У тебя всё на подоконнике. Птицы склюют, вот увидишь.

— Мам, у меня окно зимой закрыто.

— Птицы нынче как люди. Дозвонятся.

Она улыбнулась, неудачно потянулась за шерстяной лягушкой. Галина поймала соскользнувшую со стола спицу прежде, чем та попала матери на ногу. Мать выпрямилась и больше ей ничего не предлагала.

— В тот год, когда папа от нас съехал, — сказала Галина, — ты никому про наши деньги не пересылала? Вот эти фотографии.

— Зачем?

— Ты можешь подумать?

— Я и без того думаю. Не делай со мной так, будто я ученица в твоей машине. Никому я ничего не посылала. Моте точно нет. Никому не хвасталась, что дочки у меня такие умные, пока это было хорошее. А потом тем более. Я им всем говорила, что у нас всё прекрасно. Только ты не подумай, что я это знаю до минуты, наверняка. Если человек всё за семь лет помнит без единой ошибки, значит, ему только вчера и рассказали.

Она дала Галине небольшой бумажный пакет. В нём лежала ободранная груша и горсть сухой кожуры. Потом забрала кожуру себе.

— У папы твоего ни копейки в жизни не пропадало, — сказала мать. — А мы почему-то жили ровно так же, как у кого пропадали. Я тебе это к тому, что он никогда не говорил нам, куда дел.

Телефон Галина увезла вместе с зарядкой. На лестничной площадке сфотографировала обе картинки своим телефоном. Успела прежде, чем экран погас. Старый аппарат отсчитал секунды и тихо умер у неё на руках.

До первого урока оставалось пятнадцать минут, и Галина поехала напрямую к школе. Её встречала та самая девочка в зелёной куртке, которой она в сентябре сказала после самовольного заезда на бордюр: «Следующий шаг — купить жильцам первого этажа новый балкон». Девочка пришла в прошлый раз с фломастером и нарисовала на первой странице тетради бор-

дюр с балконом и человечков, которые наблюдали за нею из окон. Сегодня у неё под глазами залегли глубокие тени.

— Вылезай, — сказала Галина после первого квартала.

Девочка припарковала машину ровнее прежнего и с испугом посмотрела на инструктора.

— За что?

— Потому что глаза закрываются. Твои, Дарья. Ты не спала.

— Папа в ночь на вторые сутки. Мама с младшим в больнице. У нас собака рожала. Я думала, у неё будет один щенок. Откуда столько?

Галина пересела за руль, привезла её обратно к школе. Дарья спала, откинув голову к стеклу и раскрыв ладони на коленях. На правой были придуманные ею в столбик клички. Первого щенка назвали Адмирал, второго Боцман, потом шёл Матрос, и следующие двое значились «мелкая А» и «мелкая Б». Галина сидела и ждала, пока девочка выспится хотя бы до следующего урока. Было приятно полчаса ничего не делать чужими руками.

Возле полудня подъехала Рита. Она тоже могла бы стать инструктором: распахнуть дверь, сунуть в салон сумку, привесить на ремень пакет с картошкой, вытолкнуть застрявший зонтик и при этом ни разу не разбудить Дарью.

— Ты маму хочешь по судам таскать? — спросила она, когда Галина вышла. — Она мне позвонила. Сказала, ты у неё старый телефон забрала.

У Риты промокли чулки. Торчали из сумки запасные жёлтые носки в горошек. Галина протянула руку через дверцу, взяла пакет. Сколько разных вещей можно успеть незаметно положить сестре в машину, пока она решает, хочет ли отвечать на вопрос.

— Мама могла кому-нибудь сказать, что мы к ста восьмидесяти ещё пять добавили?

— В парикмахерской, может. В аптеке. Ты же знаешь, она рассказывает.

— Она говорит, что нет. Почему ты за неё догадалась, а про себя ничего не говоришь?

Рита стянула капюшон, прижала к губам угол собственной сумки, на котором висел старый пушистый брелок. Привычка из школьной раздевалки: Риту начинали стыдить, она тут же находила, что прикусить.

— Ну, говорила я. Ну и что? Мы всё про себя тогда рассказывали. Ты деньги потеряла. Ты плохо спала. Ты, извини, воняла бензином всё время начиная с той осени. Люди все думали, вот баба убивается, последнюю рубашку на себе рвёт, чтобы наверстать. Мне кто-то даже машину полировать хотел тебе подарком.

— Кто?

— Девочки в мастерских. Там много девочек. Если ты на каждого пойдёшь коситься, так я тебе не помощник. Они Маринку мою с температурой из садика забирали. Люди нас пожалели, Галя. Зла нам не хотели. Ты лучше спроси, как твоя суббота у него воскресеньем стала.

Рита умолкла. Галина увидела, как у сестры напряглись скулы. Ещё вчера можно было пересказывать друг другу слова Бугрова и ругать его за путаницу. А сейчас Рита ждала ответа от неё.

— Во вторник деньги ещё были, — сказала Галина. — У мамы снимок сохранился. Твой стол, деньги ещё на клеёнке. Я себе пересняла, хочешь покажу?

Рита не стала ни смотреть, ни спрашивать, можно ли проследить время. Они обе знали старую клеёнку. Обе помнили Маринкину плошку, которую она разрисовала красными рыбами на первом занятии в садике и потом несколько лет держала дома для лежалого печенья. Всё подтверждалось и без этого сдохшего аппарата, который Галина несла в кармане, как маленькую чужую жизнь на сапожном шнурке.

— Если мне со счёта сейчас вернут деньги, — сказала Рита, — то хоть пусть он скажет, что на борту самолёта у тебя их забрал. Кому какая разница?

— Не так. Человеку нужно сказать, что он у меня их восемнадцатого взял. Я знаю, что этого не могло быть. Надо понять, зачем.

— Почему ты должна понять?

Из машины от стекла отклеилась Дарьина голова. Девочка взглянула на часы и с ужасом уставилась на Галину. Та показала ей растопыренную пятерню: ещё пять минут. Дарья занялась своей причёской.

— А мне всё его дочка вспоминается, — сказала Галина. — Я её за рукав держу, а она мне: вы ему бумагу дадите, если он рассчитается? Ты ведь рядом стояла. Я промолчала в зале, а девчонка теперь, может, домой пойдёт деньги для меня искать. И ведь спасибо мне скажет, если я возьму.

— То есть это её ты пожалела, — сказала Рита.

Тут бы и стоило перебить. Галина успела вдохнуть и увидела, что возражать нечего. Да, вчера в коридоре она увидела и пожалела именно Веру.

— Хоть пообещай, что, когда узнаешь, не будешь на Маринку орать, — сказала Рита. — Она двенадцать часов в саду тогда сидела, почти у людей выросла! Я ей время от времени обещала купить дом с садиком для игрушек. Когда меня в мастерской спрашивали, сколько нужно, я им всё сказала. Где тебя встретить. Сколько добрать. Да где мы брали, где Яна брала — всё. А ты бы за помощью не пошла, если бы тебе ребёнка уже не во что было обуть?

— Куда ты пошла?

Рита запахнула куртку и поправила намокший край брюк над ботинком. С самой дальней стороны стоянки послышался короткий звонок велосипеда. Возле уличного столика подросток удерживал зубами бумажный пакет, чтобы застегнуть длинную собачью рулетку.

— К обувщикам. К швейникам. Там раньше на решётке на входе ещё льва нарисовали. Усами на реснички смахивает. Хочешь посмотреть тюрьму для льва? Я тебе скину, куда смотреть. Я туда больше не пойду.

— Почему?

— Я им уже спасибо сказала. Семь лет как. Не для того, чтобы снова за помощью идти.

Она либо забыла, либо нарочно оставила в машине картошку. Галина проводить её не вышла. Картошка в пакете шевельнулась, стоило тронуться с места: одна большая покатилась поверх ещё спящих маленьких, и Дарья схватила пакет ладонями.

— Чуть не рассыпала! — радостно сказала она.

Они снова поехали рядом, по улицам, на которых Галина много лет обучала людей глядеть в нужную сторону. А когда между уроками осталось окно, она остановилась и отправила Яне оба снятых с материнского экрана кадра. Под ними написала: «Двадцатое августа. И ты, и деньги дома к вечеру. Дату он придумал. Я покажу это сама».

Яна ответила сначала поднятым большим пальцем. Потом стёрла его и спросила: «А почему?»

Галина немного посидела над экраном, потом написала как было: «Этого пока не знаю».

Глава 7. Сервиз на развес

Алла Кораблёва сдавала напрокат всё, из чего можно было есть на людях. Её сын-школьник когда-то сам изготовил листовку «Посуда для группового питания» и, чтобы мать не расстроилась от слова «групповое», пририсовал веточку сирени. Сын давно вырос и переселился так далеко, что утро у него наступало на половину рабочей смены раньше, чем у матери. В окошке всё ещё белела та листовка.

Люба вошла заранее. Ей всегда хотелось сначала посмотреть на человека без его парадного лица.

Под надписью «Возврат» на стуле сидел мальчик в короткой куртке и держал на коленях тазик с чайными ложками. Рядом, в двух деревянных ящиках с перегородками, стояли тарелки. Его отец в дверях приплясывал с прозрачной миской в руках. Ложки, вынутые из ещё мокрых полотенец, лежали беззащитно перемешанными. На мокром дне таза темнели отпечатанные ложками силуэты.

— Взвешивайте, — сказал отец. — Моя жена до часу ночи их считала. Ничего ей не заплатите за этот дополнительный труд?

— Со своей женой вы сами и рассчитывайтесь, — отозвалась Алла. — Послушай, молодой человек. Тебе, наверное, больше нечего делать, кроме как держать всё это в обнимку? Можно поставить на стол.

— Тут говорили, что стол шатается.

— Пока не поставишь, никогда не узнаешь.

Мальчик подошёл к столу, держась локтями за красные ручки таза. Видом он ничуть не напоминал ребёнка, которому позволили совершить интересный опыт. Глядел на ножку под искривлённой столешницей с таким недоверием, что Люба уже хотела подойти и подставить колено. Он обошёл стол сбоку, увидел поперечину, поставил точно над ней. Ложки продолжали лежать спокойно.

— Подумаешь, инженер, — буркнул отец. — Мы за миску расписывались, возвращаем миску. Вам её куда?

— Домой, — сказала Алла. — Это не моя.

— Что значит домой? Жена пересчитала. Четырнадцать в ящике и вот эта.

— Остальные такого размера отродясь не бывали. Вы на неё гляньте.

Мужчина с холодным достоинством поднял миску на уровень глаз. В прозрачности толстого стекла обнаружились четыре рыбины, которые плыли одновременно в восьми направлениях, потому что мастерской росписи на второй стенке полагалось отражаться в первой.

— Мальчик, маме позвони, — сказала Алла. — Ничего объяснять не надо. Просто спроси, где у вас десертная тарелка с узкой золотой полосой, а что за дуры мы тут собрались, папа дома расскажет.

Мальчик дозвонился. Несколько секунд слушал. Потом лицо его раскрылось в улыбке.

— С помидорами, — сказал мальчик, убирая телефон. — Мама оставила папе на ужин.

— Вот и отлично. Папа доест, к пятнице вернёт мне моё, а ваше сейчас возьмите домой. Только посмотрите, милая какая миска. У кого вы её на свадьбу в подарок брали?

— Ещё бабушкина, — сказал мужчина.

— О таком одна моя знакомая мечтает, да где теперь такую найдёшь. Под одну горячую картофелину, под зелёный лук, и ещё сверху соли горсточку. Вы хоть знаете, что держите в руках?

Из проката отец ушёл с той же миской, но нёс теперь бережнее. Мальчишка обернулся в дверях с очень взрослым пониманием. Похоже, так же успешно взрослые женщины спасали семью и дома.

Алла откинула со стола тёмную ткань, которая служила фоном для фотографирования, и предложила Любе из-за стойки стул с целыми ножками.

— Две стеклянные рыбки с загнутым хвостом у меня у самой дома, — сказала она. — Такую в стекле трудно испортить. Ну? Я за вами ничем не числюсь.

— Я Груздева. Вы вчера в перерыве говорили, что по вторникам у вас приёмка. У вас день нынче свободный?

— Какие у меня бывают свободные дни, я вам в другой раз расскажу. Если вы по Сашкиному делу, то я с половины третьего вспоминаю немецкий. В без пятнадцати три скажу «их бин фертих» — и всё.

— Вы плохо его учили, немецкий. А что значит?

— Что я устала. Может, я сейчас сказала, что я лошадь. Тоже подойдёт.

Они сидели по разные стороны прилавка. В отражении огромного пузатого самовара Любина голова казалась втрое крупнее, чем у хозяйки магазина. У Аллы были круглые пальцы с коротко стриженными ногтями без лака. У корня большого пальца она носила тонкий серебряный перстенёк. Крутила его одним и тем же движением, направляя ободок к запястью. Возвращаясь наверх, кольцо чуть слышно щёлкало по стеклу.

— Вы же в суде не в первый раз, — сказала Люба. — Видели, что он в понедельник вытворял? Вы знаете эту Беляеву?

— У меня слишком мало времени знать всех, кто давал ему взаймы.

— Она утверждает, что даже не знакома с ним.

— Она вам сказала или вы прочитали у неё на затылке?

— Я стояла рядом.

— Прямо-таки сказала: я с ним не знакома?

Люба запнулась. С площадки она услышала несколько слов Вериной сестры... Какой сестры? Та, в пуховике, доводилась сестрой Галине. Такой простой порядок и тот путался, стоило Рите, Вере и Беляевой оказаться рядом в памяти. А она считала, будто сразу всё поняла по лицу человека.

— Вы сами у неё спросите. Вас тоже просили приходить за деньгами?

Алла дёрнула под прилавком пластмассовую коробку и вынула толстую ручку с резиновым жёлтым подпальчником.

— За деньгами ходят туда, где их зарабатывают. На почту теперь всю жизнь не хожу. Вы присланы от кого-то?

— Я пришла отказаться молчать, — сказала Люба и удивилась, с какой нелепой торжественностью это вырвалось. — Извините. Я хотела спросить... Вам действительно ещё не вернули?

Алла перевернула жёлтую ручку. Прозрачный корпус оказался пустым. Она сунула внутрь указательный палец, словно убеждаясь, что и последние два сантиметра никто не занял.

— Мне пришло предложение. Восемьдесят пять. Вот на что прямо сейчас уйдёт.

Она отодвинула боковую дверцу шкафа, стоявшего вдоль всей стены. Внутри на специальных уступах вверх дном висели небольшие бокалы, сотня или больше. На виду оставались точёные спицы стеклянных ножек. Глазам больно было смотреть на столько тонкого в одном месте. Алла включила старенький фонарик. По дальним углам побежали световые иголочки.

— Работаю с женщиной, которая старые сервизы по району собирает. Эти дала мне на пробу. Ещё восемь ящиков таких же у неё на складе. Сегодня ей сдавать пустой склад, пришлось выбирать: либо забираю у неё всю партию, либо она всё, вместе с этими, отдаёт скупщику. Обычно полное семейное торжество — человек сорок. На кухне чайников на такую братию у всех хватает, зато для фотографий хочется сто пятьдесят одинаковых бокалов. Нынче в этом и состоит красота. Потом я прихожу забирать, и в каждом бокале на донышке осталась минералка, хотя заказывали их под белое вино.

— Бывшие в употреблении стоят восемьдесят пять тысяч?

— Если вам всё равно, в чём подавать вино, — дешевле. У меня на них заказ. Хозяйка с утра оставила ключ консьержке, можно забирать хоть сейчас. В пять придёт ко мне за ответом. Скупщик ей за всё стекло платит по весу. А я почти всем продала на декабрь то, чем пока не владею. Заберут бокалы — будете вы всем нашим цехом пить на новогодних ёлках из трёхлитровых банок.

Алла уронила дверцу слишком быстро. Стеклянные края, будто разбуженные осы, на несколько секунд слепились в ровный насекомый гул.

— Когда предлагают деньги с условием, обыкновенно условие стоит дороже денег, — сказала Люба.

— У меня арифметика тоже была в школе. Только вам, как я поняла, кое-что уже выдали? Судя по вашему простудному голосу.

— Да.

— Вам можно и брать, и объяснять остальным, как приличней жить?

Алла нащупала место, где больнее всего. Ещё час назад Люба открывала у себя дома кастрюлю, пересчитывала бумажки и опять закрывала.

— Я с собой не брала, — сказала она. — И отдать их вам вместо тех, за бокалы, не могу. Могу предложить узнать сначала, от кого ваши.

— А вы-то у кого брали?

— Девушка принесла. Чужая.

— Чужая девушка, и чем это вам не погасило желания взять?

Люба сдвинула массивный самовар на ребро прилавка. В его боку теперь отразился ряд малиновых чайников, на шеях атласные бантики. Чьими руками были завязаны пятьдесят бантиков, сколько на каждый потрачено жизни и когда их закапают тёмным чаём! Алла бережно вернула самовар на прежнее место.

— Давайте про камеру, — предложила Люба. — Если вы мне об этом скажете, я когда-нибудь и вам про своё.

— Про камеру я уже отговорила шесть часов в трёх разных помещениях. Ничего не изменилось. Хотите необыкновенных ощущений — вот.

Она достала с полки укутанный в пергамент предмет. На стекло лёг прибор длиной с палец. За потёртым стеклянным окошком дотягивалась красная кривая нитка до числа двадцать два.

— Термометр. У нас случайно разбился самый обыкновенный. Саша зашёл в тот день на склад взять для меня два чайника под временный заказ. А вернулся вот с этим: «Алка, говорит, кухня начинается, когда в доме появляется градусник. Пора тебе перестать сидеть на посуде».

Саша назвал закрывающуюся столовую. В ту столовую Алла ещё с отцом ездила есть пельмени. На кухне действительно стояла холодильная камера. Алла давно хотела поставлять на дом еду вместе с посудой. У неё была на примете повариха, которая умела тонко резать буженину и знала, зачем на поминках люди заворачивают нетронутый кусок кекса в салфетку. Самой Алле хотелось наконец войти в чужой дом с горячим супом, а не с пустой супницей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.